

Леонов Иван Владимирович

МЕЖПАРАДИГМАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОЗНАНИИ МАКРОИСТОРИИ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ

Настоящая статья посвящена изучению качественного своеобразия межпарадигмальных этапов в познании макроистории, формирующих своеобразный "интеллектуальный фон", влияющий на создание авторских трактовок культурно-исторического процесса. В работе дается общая характеристика межпарадигмальной познавательной ситуации в макроисторических исследованиях. В контексте влияния межпарадигмального времени осуществлен анализ основных параметров познания макроистории. Теоретические положения статьи подкрепляются анализом макроисторических концепций, созданных на рубеже XIX-XX веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 104-109. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

13. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 418-433.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
15. Фридрих Г. Структура современной лирики: от Бодлера до середины двадцатого столетия. М.: Языки славянских культур, 2010. 344 с.
16. Bruns Gerald L. The Remembrance of Language: an Introduction to Gadamer's Poetics // Gadamer H.-G. Gadamer on Celan. Who am I and Who are You? And Other Essays. N. Y.: State University of New York Press, 1997. P. 1-51.
17. Gadamer H.-G. Conversation with Carsten Dutt. Hermeneutics // Gadamer in Conversation: Reflections and Commentary. New Haven – London: Yale University Press, 2001.
18. Gadamer H.-G. Der «eminente» Text und seine Wahrheit // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Tübingen: Mohr, 1993. Bd. 8. Ästhetik und Poetik. 1. Kunst als Aussage. S. 286-296.
19. Gadamer H.-G. Man and Language // Philosophical Hermeneutics. California: University of California Press, 1976. P. 59-69.

**POETIC LANGUAGE CONCEPTION IN H.-G. GADAMER'S HERMENEUTICS:
LANGUAGE AS WORLD EXPERIENCE**

Kozlova Mariya Vladimirovna
Maxim Gorky Literature Institute, Moscow
maria_kozlova@mail.ru

The article considers the question about language in Hans-Georg Gadamer's philosophy. The novelty of the considered theme is in the fact that the author pays attention to such little-studied question as poetic language status in philosophical hermeneutics. The author concludes that Gadamer understands language as hermeneutic experience accomplishment (but not as information transfer instrument), the extreme case of which is lyrical poem language due to such features as the physicality and self-reference of the poetic word.

Key words and phrases: language; poetry; hermeneutic experience; eminent text (der eminente Text); untranslatability; language physical reality.

УДК 008

Культурология

Настоящая статья посвящена изучению качественного своеобразия межпарадигмальных этапов в познании макроистории, формирующих своеобразный «интеллектуальный фон», влияющий на создание авторских трактовок культурно-исторического процесса. В работе дается общая характеристика межпарадигмальной познавательной ситуации в макроисторических исследованиях. В контексте влияния межпарадигмального времени осуществлен анализ основных параметров познания макроистории. Теоретические положения статьи подкрепляются анализом макроисторических концепций, созданных на рубеже XIX-XX веков.

Ключевые слова и фразы: макроистория; историческая реальность; ноогенез; парадигма; межпарадигмальное пространство.

Леонов Иван Владимирович, к. культурологии

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
ivaleon@mail.ru

**МЕЖПАРАДИГМАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОЗНАНИИ МАКРОИСТОРИИ:
КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ[®]**

Развитие научного знания о макроистории представляет собой достаточно сложный ноогенез, содержанием которого является поочередное доминирование тех или иных макроисторических теорий, дающих комплексное и «предельное» объяснение сущности и специфики культурно-исторического процесса. В частности, с течением времени и в силу ряда обстоятельств те или иные комплексы знаний о макроистории, принимая форму «единственно верных» трактовок исторической реальности, на некоторое время закрепляются в науке. Однако их господство рано или поздно ослабевает, и им на смену приходят другие комплексы, тем самым обеспечивая процесс роста знания в изучаемой области. Отмеченные моменты представляют собой своеобразные ситуации ноогенетической «переходности» и в системно-синергетическом видении предстают как решающие периоды, содержащие куммулятив, обеспечивающий дальнейшее развитие знаний. Соответственно, в настоящей статье осуществлена попытка рассмотрения качественного своеобразия познавательных ситуаций, возникающих в моменты смены ноогенетических доминант в развитии знания о макроистории. К отмеченным состояниям ноогенеза вполне уместно применить термин «межпарадигмальные».

Итак, изучение межпарадигмального пространства в процессе познания макроистории, в первую очередь, направлено на преодоление одностороннего подхода, господствующего в изучении основных этапов отмеченного

ноогенеза. В частности, речь идет об историографическом подходе в целом и о его более узкой разновидности – парадигмальном анализе развития знания. Дело в том, что традиционно генезис научных представлений о макроистории рассматривается в контексте поочередного доминирования парадигм, дающих стабильное понимание сущности и специфики культурно-исторического процесса. Опираясь на определение Т. Куна, понимавшего под «парадигмами» «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [4, с. 17], уместно констатировать, что в познании макроистории содержанием парадигмы является определенный «интеллектуальный фон», под непосредственным влиянием которого создаются различные версии макроистории. В парадигмальные периоды ноогенеза формируются устойчивые ноогенетические концепты культурно-исторической реальности, позволяющие человеку адекватно взаимодействовать с ней. Данные периоды уместно охарактеризовать как ситуации синхронизации познавательных практик субъекта с «ритмами» вмещающей исторической реальности, – иначе говоря, как периоды, когда субъекту удается зафиксировать господствующую логику изменений, лежащую в основе конкретно-исторической реальности, а также просчитывать ее не только в направлении прошлых стадий культурно-исторического процесса, но и в направлении прогнозирования его будущих состояний. Причем, как правило, в процессе воздействия названного «интеллектуального фона» и конкуренции между различными теориями культурно-исторического процесса остается одна – максимально отвечающая эвристическим установкам времени, в результате чего данная теория принимает господствующий или парадигмальный характер.

Однако помимо парадигмальных этапов, являющих собой познавательное единообразие в трактовках макроистории, существуют отмеченные выше моменты «ноогенетических переключений» (в терминологии Т. Куна – «научных революций»), содержанием которых является смена парадигм. Указанные межпарадигмальные состояния, несмотря на их относительную краткосрочность, характеризуются появлением множества состоятельных и оригинальных трактовок макроистории, формируемых под воздействием качественного своеобразия ситуации смены парадигм. Отмеченный фактор позволяет говорить об особом эвристическом потенциале названных «переключений», изучение которого позволяет пролить свет на многие аспекты, лежащие в основе развития знаний о макроистории в рассматриваемые периоды. Соответственно, анализ особенностей и типологического своеобразия межпарадигмальных этапов в развитии знания о макроистории является актуальным. Дело в том, что исследование общего «интеллектуального фона», возникающего в контексте смены парадигм или «ноогенетических переключений», позволяет не только точно определять данные периоды в развитии знания, но и адекватно оценивать существующие в его рамках познавательные стратегии и практики, иначе говоря – воспринимать научные тексты с учетом специфического контекста межпарадигмального времени.

Кроме того, актуальность и востребованность изучения представленной проблематики обусловлена тем, что анализ современного состояния развития знания в области постижения макроистории, включая зарубежный и отечественный опыт, показывает, что сложившаяся в сфере современных макроисторических исследований «ноогенетическая ситуация» имеет ряд качественно-своеобразных признаков, соответствующих состоянию «межпарадигмальности». Наиболее явным симптомом данного соотношения является то, что современные исследования, направленные на познание сущности и предназначения истории, достаточно далеки от выработки общего знаменателя в решении большинства фундаментальных вопросов макроисторической проблематики. Данная ситуация просматривается в отношении пространственно-временных параметров макроисторического процесса, в отношении выбора его господствующей модели, движущих сил, смысловой и иных составляющих научных трактовок макроистории.

Итак, комплексное изучение межпарадигмальных этапов в развитии познания макроистории предполагает последовательное решение следующих вопросов. Во-первых, необходимо дать общую характеристику межпарадигмальной познавательной ситуации в макроисторических исследованиях. Во-вторых, в контексте влияния межпарадигмального времени следует осуществить анализ основных параметров познания макроистории. Кроме того, целесообразно подкрепить рассмотренный материал примерами, взяв за основу ситуацию межпарадигмальности в развитии представлений о макроистории на рубеже XIX-XX веков.

Приступая к общей характеристике межпарадигмального пространства в изучаемом ноогенезе, сразу следует остановиться на том, что в данные периоды возникает острое несоответствие научных трактовок макроисторической реальности с ее феноменологическим обликом. Реальность истории как бы «ускользает» из поля зрения субъекта, вынужденного перебирать различные варианты «исследовательской оптики» в поисках ее общих контуров, иначе говоря, настраивать свои ноогенетические структуры на поиск новых объяснений сущности и предназначения истории. Отмеченная ситуация вводит субъекта в состояние дезориентации и в целом характеризуется как кризис его познавательных способностей. В данном случае необходимо отметить, что кризис познания исторической реальности, как правило, происходит на фоне более общих кризисных процессов, содержанием которых являются качественные изменения окружающего мира, к которым субъект оказывается не вполне готов. Соответственно, находясь в кризисной исторической ситуации и при этом испытывая кризис познавательных способностей, субъект попадает в ситуацию потенциальной опасности, угрожающей его способности синхронизировать ритмы собственной жизненной активности со средой.

Изменения исторической реальности, которые ведут к кризису научных трактовок макроистории, могут иметь самую разную природу. В частности, они могут носить сугубо «внешний» характер и выражаться в природно-климатических сдвигах, катастрофических, эпидемиологических и других факторах. Кроме того, изменения могут быть спровоцированы процессами, связанными с взаимодействием культуры с внешней средой, например: рост объемов и изменение способов получения энергии; изменения ландшафта, связанные

с антропогенным воздействием; промышленные воздействия, влияющие на ухудшение экологии и т.д. И наконец, изменения исторической реальности могут быть вызваны процессами, имеющими сугубо внутрикультурное происхождение, в частности религиозными, политическими, идеологическими, экономическими и другими. Главное, что следует учесть в данном случае, – это то, что «ритмика», которая какое-то время позволяла субъекту объяснять, просчитывать и прогнозировать ход мировой истории, вследствие некоторых изменений перестает отвечать его эвристическим потребностям. В результате, оказавшись в ситуации дезориентации исторического мышления, субъект, реализуя логику развития собственных познавательных структур, неизбежно начинает поиск нового объяснения исторической реальности.

Отмеченная «неизбежность» в поиске трактовок истории относится к сущностным сторонам познания и делает уместным отдельное рассмотрение вопроса: для чего человеку нужны трактовки истории, включая ее макроуровень? Ответ на этот вопрос кроется в сущностных характеристиках познавательного процесса, а именно в том, что субъект, взаимодействуя с миром при помощи создаваемых им ноогенетических структур, в первую очередь, создает целостные концепты знаний о вмещающей реальности. Данные комплексы знаний уже на самом раннем этапе развития культуры ложатся в основу первых картин мира, которые, несмотря на внутренний синкретизм, в качестве неперемennого элемента содержат макроисторическую компоненту. Иначе говоря, представления об истории входят в базисную часть знаний о мире, обеспечивающих саму возможность взаимодействия человека с окружающей действительностью. Таким образом, отталкиваясь от данных обстоятельств, процесс поиска новых объяснений исторической реальности на фоне кризиса ее отживших трактовок предстает как неминуемое действие, связанное с сущностными сторонами работы сознания.

Если рассматривать межпарадигмальное пространство в познании макроистории на предметном уровне, то вполне очевидным становится ряд характеристик указанного состояния ноогенеза. В частности, ситуация познавательных переключений сопровождается отсутствием парадигмальных рамок в познании исторической реальности. Речь идет не только об отсутствии рамок сугубо научного уровня; как правило, межпарадигмальные этапы сопровождаются освобождением знания от ограничений, традиционно довлеющих над исторической наукой со стороны религии, образования, а также политической и идеологической сферы. Отмеченная ситуация, выраженная в ослаблении внешнего ценза, инициирует глобальный пересмотр основ истории, включая ее макроуровень. Данный пересмотр сопровождается ростом параметров свободы творчества и характеризуется высоким уровнем ноогенетического плюрализма. Как следствие, научные изыскания в области постижения макроистории в периоды смены парадигм обогащаются оригинальными и разнообразными теориями культурно-исторического процесса.

Другой характеристикой изучаемых состояний ноогенеза является то, что межпарадигмальные этапы характеризуются отсутствием четких параметров для верификации знания о макроистории. Данная ситуация рождает простор для применения любых познавательных практик, иначе говоря, ведет к «анархизму» в ее познании. Одним из симптомов указанной тенденции является распространение лженаучных концепций истории, содержанием которых являются различные исторические спекуляции и подтасовки, вплоть до «научного волюнтаризма». Данные «версии истории» устойчиво сосуществуют на протяжении всего межпарадигмального периода, вплоть до их разоблачения в контексте последующей парадигмы. Однако отмеченная ситуация раскрепощения познавательного ценза нередко ведет к рождению оригинальных трактовок макроистории, которым удается отстоять свое место в научном мире.

Следует отметить, что перечисленные характеристики «межпарадигмальности» в макроисторических исследованиях представляют собой далеко не полный список, и их раскрытие будет продолжено в контексте последующих вопросов.

Переходя к анализу основных параметров познания макроистории в контексте влияния межпарадигмального времени следует отдельно остановиться на вопросе определения механизма рождения нового знания как такового. Как уже было сказано выше, процесс рождения знания связан с потребностью субъекта синхронизировать ритмы собственной жизненной активности с ритмами вмещающей среды. Достижение данной синхронизации, ведущей, по мнению Ж. Пиаже, к установлению адаптивного равновесия, является неперемennым условием самосохранения любого адаптирующегося организма [7, с. 65-69]. Сам процесс формирования знаний строится на априорной способности субъекта (впрочем, как и всех живых организмов) фиксировать «ритмики», «повторы» или «сходства» в контексте определенного пространственно-временного диапазона, равного масштабам «проблемной ситуации», с которой он сталкивается. В результате обретенного «знания» субъект получает возможность предсказывать отмеченные «ритмики», подстраивая под них свою жизненную активность. Помимо сказанного, процесс рождения нового знания сопровождается сугубо «человеческими» атрибутами ноогенеза, а именно, знание наделяется смысловой составляющей, а также «окрашивается» определенным отношением со стороны субъекта, включая аксиологическую, этическую и эстетическую составляющие. Отмеченные параметры, лежащие в основе рождения нового знания, позволяют охарактеризовать специфику познавательного процесса в области постижения макроистории в контексте смены парадигм.

Детальный анализ параметров познания макроистории в ситуации смены ноогенетических доминант следует начать с характеристики ее пространственно-временных параметров. В отношении восприятия исторического пространства в рассматриваемые периоды отмечается тенденция к уменьшению фактора его предельности. Иначе говоря, историческое пространство лишается четких границ, которые в ситуациях господства парадигм имеют ясную фиксацию и, как правило, соответствуют объему пространственных взаимодействий культуры со средой. В результате возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, пространственные

границы истории размываются, с другой стороны, субъект склонен к периодическим «фокусировкам» пространства на различных масштабах истории с целью фиксации его предельных оснований. Данная ситуация напоминает действия фотографа, который настраивает диафрагму объектива, пытаясь тем самым уловить интересующий только его кусочек реальности. В результате в контексте макроисторических представлений межпарадигмального времени рождаются различные варианты решения пространственных параметров макроистории, включающие его максимальные трактовки на уровне космоса и нисходящие до уровня исторического пространства отдельных государств, культур и даже общностей. В частности, в макроисторических исследованиях рубежа XIX-XX веков обозначилось сосуществование нескольких тенденций в решении пространственного вопроса истории. Так, в концепции О. Шпенглера [14], несмотря на то, что автор фиксирует пространственные параметры мировой истории, вопрос «фокусировки» исторического пространства решается в пользу его трактовки как ареала обитания отдельного «организма культуры». В свою очередь, в концепции К. Н. Леонтьева [5] «фокусировки» пространственных параметров истории балансируют между «государственными организациями» и «целыми культурными мирами». В теориях Е. Н. Трубецкого [9], Н. А. Бердяева [1], А. Швейцера [13] и С. Л. Франка [10] пространство мировой истории фокусируется на развитии отдельных государств и культур, а также «культурных комплексов» надгосударственного масштаба.

Относительно трактовок исторического времени в контексте межпарадигмальных этапов развития знания ситуация не менее противоречива. Речь главным образом идет о проблеме определения дискретности времени, то есть о фиксации масштабов временных отрезков, лежащих в основе макроисторических процессов. В частности, спектр различных трактовок временных отрезков макроистории на рубеже XIX-XX веков включал широкий диапазон решений данного вопроса, начиная от А. Л. Чижевского [12], считавшего, что в основе морфологического закона всемирно-исторического развития лежат 12-летние циклические процессы, обусловленные активностью Солнца, и заканчивая О. Шпенглером, предложившим четкие хронологические рамки жизни культурных организмов, включая возрастные стадии их развития. Кроме того, проблема понимания исторического времени в межпарадигмальные периоды характеризуется отсутствием ярко выраженного «вектора» истории, в результате чего происходит «смещение времен», когда на смену единому линейному вектору времени, устанавливающему четкую хроноструктурную последовательность истории, приходят его синхронистические трактовки. Наиболее показателен в данном случае пример О. Шпенглера, осуществившего глубокий синхронистический анализ развития всех культурных организмов, которые ему удалось идентифицировать. Помимо сказанного, ситуация с пониманием исторического времени усугубляется тем, что в контексте межпарадигмальности наблюдается «замедление времени», вызванное событийной насыщенностью данных периодов и высоким уровнем научного интереса к отмеченным состояниям исторической реальности. Данная тенденция представляет собой один из ведущих факторов, которым объясняется серьезный рост числа научных исследований макроистории в контексте смены парадигм.

Однако самый большой интерес в анализе межпарадигмального познания макроистории представляет ситуация, складывающаяся в отношении определения ее «базисной регулярности», подчиняющей себе все остальные исторические «пульсации» частного уровня. Речь в данном случае идет о выявлении логики повторов, детерминирующих весь ход мировой истории. Так, в периоды устойчивых представлений о сущности и специфике макроистории субъекту удается зафиксировать определенную господствующую «регулярность», и на этом основании систематизировать историческое знание в единый комплекс. В зависимости от конкретно-исторических реалий, в которых создавались те или иные макроисторические представления, на протяжении генезиса знания «господствующие регулярности» фиксировались в самых различных областях, в частности, с опорой на «ритмики» климатических, астрономических и биологических циклов, в контексте прогрессивных изменений в культуре, на основании анализа экономических и политических процессов, вплоть до «ритмик», лежащих в глубинах психической жизни. Особый источник для фиксации «базисных регулярностей» макроистории представляет сфера метафоричных, а нередко и буквальных заимствований «регулярностей», обнаруживаемых в области механики, физики, термодинамики, астрономии и математики. Следует отметить, что открываемые в сфере точных наук «регулярности» традиционно пользуются спросом в гуманитарной сфере, поскольку они служат своеобразными эталоном достоверности, находя свое подтверждение в физических законах бытия и имея четкое математическое выражение. Таким образом, вне зависимости от природы детерминирующих историю процессов в контексте парадигмальных этапов изучаемого ноогенеза субъекту удастся обнаружить стержневую «ритмику», которая используется им как основа для создания модели или схемы макроистории.

В свою очередь, в моменты смены парадигм ситуация с определением «базисной регулярности» меняется в корне и характеризуется тем, что субъект оказывается не в состоянии однозначно определить процессы, детерминирующие ход мировой истории; вместо этого перед ним открывается целый спектр потенциально пригодных на эту роль процессов самой различной природы. В результате отмеченная ситуация ведет к появлению разнообразных трактовок макроистории, реализующих те или иные основания в понимании детерминирующих историю процессов, включая циклические, линейные, ковариативные, осевые, ризоматичные и эклектичные модели их воплощения. На рубеже XIX-XX веков отмеченные тенденции проявились довольно ярко. В частности, Н. Д. Кондратьев [3], воспринимая циклический как всеобщий закон развития природы и общества, развивал гипотезу наличия циклов в самой сути капиталистической экономики; А. Л. Чижевский, опираясь на циклическую солнечную активность, статистически доказал высокую степень детерминации событий мировой истории пульсациями энергии Солнца; К. Н. Леонтьев, рассматривая историю в организменном ключе, предложил триединую модель развития цивилизаций и государств, включающую «юность»,

«зрелость» и «вторичное упрощение», ведущее к их разложению и переходу в органическую «нирвану»; О. Шпенглер, воспринимая историю в той же организменной традиции, сопоставил модель развития культуры с основными возрастными стадиями человека, а именно, с «детством», «юностью», «взрослым» состоянием и «старостью»; Е. Н. Трубецкой, считая, что главная цель истории человечества заключается в строительстве дома Божия, зафиксировал циклические проявления мировых катастроф, возникающих вследствие отступления тех или иных культур от заданного пути; Ф. Ницше [8], опираясь на линейную модель, констатировал регресс истории, выраженный в постепенном духовном вырождении человечества; Н. А. Бердяев, рассматривая историю европейской культуры, зафиксировал в ее развитии логику поочередных «взлетов» и «падений», связанных с периодическим ростом и истощением ее творческого потенциала; А. Швейцер, понимая «этическое» начало как конституирующий элемент всякой культуры, воспринимал историю в контексте процессов духовного совершенствования человечества, способного противостоять разложению культуры.

Характеризуя смысловую сферу истории в рассматриваемые периоды, необходимо отметить, что осмысление как таковое является сущностной стороной познавательного процесса, по сути – это основа возникновения *явного* знания. Смыслополагание дает субъекту возможность объяснения скрытых свойств изучаемого объекта и позволяет «вписать» его в общую структуру смоделированного им мироустройства. Так, в познании макроистории смысл позволяет связать ее событийные «кванты» и организовать их в соответствии с логикой «базисной регулярности», объясняя и оправдывая особенности устройства определенной исторической реальности. Особенностью межпарадигмальной смысловой сферы истории является отсутствие общепринятых смысловых трактовок, лежащих в ее основе. Вместо этого в отмеченной сфере наблюдается одновременное соприкосновение различных смысловых решений истории. Специфической особенностью названного смыслового пространства является явное преобладание смыслов, реализующих идею возвышения духовной природы человека. Возможным объяснением данной тенденции является то, что на фоне кризисных процессов, характерных для межпарадигмальных состояний изучаемого ноогенеза, человек склонен искать смысловые константы не в меняющемся, малопонятном и потому опасном мире, а в собственной духовной природе. Примерами данного смыслополагания истории на рубеже XIX–XX веков являются теории Е. Н. Трубецкого, А. Швейцера, С. Л. Франка. Другой тенденцией изучаемых периодов развития знания, вызванной познавательной дезориентацией субъекта, является отрицание смысла истории как такового; в частности, О. Шпенглер, анализируя данный вопрос, предпочел констатировать именно эту мысль, отмечая, что «у «человечества» нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, как нет цели и у вида бабочек или орхидей» [14, с. 183]. Следующей тенденцией является то, что в контексте смены парадигм доминируют смыслы, отражающие фатальное действие сил, имеющих происхождение извне и не связанных с реализацией каких-либо предназначений человека: начиная от действия космических сил в теории А. Л. Чижевского и заканчивая действием универсальных законов развития организмов в концепции Н. Я. Данилевского [2] и К. Н. Леонтьева. Главная черта отмеченных смыслов – это то, что человек, не имея решающего влияния на ход мировой истории, во многом пассивно реализует ее «фатум». Еще одной специфической характеристикой, наблюдаемой в сфере смыслополагания истории на фоне смены парадигм, является констатация тенденций регресса как в мировых процессах, так и в природе самого человека. Отмеченная традиция нашла отражение в работах Ф. Ницше, Й. Хейзинги [11] и Х. Ортега-и-Гассета [6]. В частности, Ф. Ницше в работе «Антихристианство» по данному поводу отмечал, что «человечество *не* развивается в направлении лучшего, высшего, более сильного – в том смысле, как думают сегодня. «Прогресс» – это просто современная, то есть ложная идея. Европейец наших дней по своей ценности несравненно ниже европейца Ренессанса; поступательное развитие отнюдь не влечет за собой непременно возрастания...» [8, с. 20]. И лишь немногие теории в межпарадигмальном пространстве реализуют смысловую направленность истории, отражающую идею прогресса, связанного с преобразовательной деятельностью человека. На рубеже веков названная смысловая составляющая нашла отражение в работах Н. А. Бердяева, характеризовавшего даже упадки культуры как моменты ее утончения и усложнения, ведущие к последующему росту посредством притока «варварства плоти», «крови и духа».

И наконец, последний параметр познавательного процесса затрагивает «отношение» субъекта к макроисторической реальности и включает весь спектр психических реакций на средовые возмущения, а также аксиологическую, этическую и эстетическую составляющие знания, порождая богатую палитру личностных оценок истории. Однако существенной стороной рассматриваемых периодов в развитии знания является фоновое влияние архетипических реакций, вызванных неспособностью субъекта адекватно оценивать реальность. В первую очередь, речь идет о реанимации укорененных глубоко в сознании страхов различной природы, провоцирующих распространение пессимистических и упаднических настроений, сопровождаемых ожиданием неминуемой катастрофы. Более того, в состоянии познавательной дезориентации субъект склоняется к восприятию исторической реальности сквозь призму архаичных форм мышления вплоть до ее полной мистификации и толкования сквозь призму хаотичных и inferнальных стихий. В результате действия данных реакций сознания историческая реальность предстает как лишенная логики фантазмагория, не только подавляющая человека, но и угрожающая ему. Данные тенденции, достаточно ярко разворачиваясь в обществе, несомненно, накладывают некоторый отпечаток и на деятельность ученых, формируя две противоположные позиции, согласно которым субъект либо принимает историческую реальность такой, какая она есть, либо стремится к преодолению ее «фатумных» сторон. В работах рассматриваемого периода первая позиция находит свое отражение в трудах К. Н. Леонтьева, О. Шпенглера, Е. Н. Трубецкого, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассета, соответственно, вторая позиция – в теориях Н. А. Бердяева, А. Швейцера и С. Л. Франка.

Таким образом, анализ межпарадигмальных периодов в познании макроистории показывает, что отмеченные этапы ноогенеза обладают рядом специфических характеристик, формирующих особый «интеллектуальный фон», влияющий на создание авторских трактовок культурно-исторического процесса. Изучение отмеченных особенностей позволяет учитывать контекстуальную обусловленность развития знания в отмеченные периоды и, соответственно, более адекватно воспринимать ноогенетический продукт межпарадигмального времени.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. М.: Искусство; ИЧП «Лига», 1994. Т. 1. 541 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост., посл. и коммент. С. А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 574 с.
3. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения / отд-е экономики АН СССР; вступ. статьи Л. А. Абалкина, Ю. В. Яковца. М.: Экономика, 1993. 543 с.
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
5. Леонтьев К. Н. Поздняя осень России: сборник. М.: Аграф, 2000. 334 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сборник / пер. с испан. С. Л. Воробьева, А. М. Гелескул. М.: АСТ, 2003. 272 с.
7. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
8. Сумерки богов: сборник / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др.; сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. 398 с.
9. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / сост. А. П. Полякова, П. П. Апрышко. М.: Республика, 1994. 432 с.
10. Франк С. Л. Крушение кумиров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/frank/kumiry.html> (дата обращения: 14.10.2013).
11. Хейзинга Й. Homo Ludens (человек играющий) / пер. с нидерл., прим. В. В. Отиса. М.: Эксмо-пресс, 2001. 338 с.
12. Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия / сост., вступ. ст. и коммент. Л. В. Голованова. М.: Мысль, 1995. 766 с.
13. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное / переводы, послесл. А. Меня. М.: Прометей, 1993. 511 с.
14. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2006. Т. 1. Гештальт и действительность. 800 с.

INTER-PARADIGMAL SPACE IN COGNITION OF MACRO-HISTORY: COMPREHENSIVE ANALYSIS

Leonov Ivan Vladimirovich, Ph. D. in Culturology
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
ivaleon@mail.ru

The article is devoted to the study of the qualitative uniqueness of inter-paradigm stages in the cognition of macro-history, forming a kind of «intellectual background», influencing the creation of the authorial interpretations of cultural-historical process. The paper gives the general description of inter-paradigm cognitive situation in macro-historical researches. The analysis of the main parameters of macro-history cognition is carried out in the context of the influence of inter-paradigm time. The theoretical theses of the article are supported by the analysis of the macro-historical conceptions that were created at the turn of the XIXth-XXth centuries.

Key words and phrases: macro-history; historical reality; noogenesis; paradigm; inter-paradigm space.

УДК 173

Философские науки

В статье предпринята попытка определить сущностные основания русского семейного воспитания. Раскрыты основные положения философско-педагогических взглядов отечественных мыслителей XIX-XX вв., отражающих идею реализации воспитания человека. Определены стратегические направления актуализации традиционных ценностей семейного воспитания в социокультурных условиях современной России.

Ключевые слова и фразы: семейное воспитание; духовно-нравственные ценности семьи и семейного воспитания; философия воспитания; концептосфера.

Лепешев Дмитрий Владимирович

Кошкеттауский университет имени Абая Мырзахметова, Республика Казахстан
d_Lepeshev@mail.ru

КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОЙ СЕМЬИ И ФИЛОСОФИЯ ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ®

Жизнь семьи – органическая часть духовной жизни общества. В семье человек реализует социальную потребность служения ближним, сам находит поддержку и силы для преодоления жизненных испытаний. В семье хранится память о прошлом и создается будущее, осваиваются и воспроизводятся социокультурные